

M 292
581

1524

(A)

У 292
581

Проф. Н. Сумцовъ.

201-20
5700-1

на отв

ЛИЧНЫЕ ОВЕРЕГИ

ОТЪ СГЛАЗА.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., домъ № 17-й.

1896.

Отдельные оттиски из Харьковского Сборника Историко-Филологического Общества 1896 г.

77453-44

2007098929

Личные обереги отъ сглаза,

(Servatoria).

Содержаніе. Предисловіе. Значеніе обереговъ въ народной жизни. Дѣленіе обереговъ. 1) Оплеваніе и слизываніе. 2) Веревка. 3) Камни и роги. 4) Соль. 5) Угольки. 6) Сѣть. 7) Обувь (лапотъ и др.). 8) Колокольчики и бубенцы. 9) Подкова. 10) Цвѣтныя повязки. 11) Дѣтская сорочка. 12) Зубы волчьи (и др.). 13) Деревья и травы. 14) Филактеріи и наузы. 15) Сложныя обереги. 16) Символическіе знаки. Передача сглаза. Заключеніе.

Вѣрованіе въ сглазъ—общечеловѣческое, на извѣстной вообще очень широкой ступени культурнаго развитія или, точнѣе, безкультурнаго варварства. Куда не проникало этнографическое изученіе—оно вездѣ встрѣчало повѣрья въ сглазъ; и въ настоящее время было бы неразрѣшимой загадкой, если бы на земномъ шарѣ отыскался народъ безъ повѣрій о сглазѣ; такого случая и допустить нельзя, такъ какъ онъ сталъ бы въ рѣзкое противорѣчіе со всѣмъ строемъ элементарной народной психологіи.

Въ настоящее время возможно, не останавливаясь на основномъ фактѣ повѣрья въ сглазъ, какъ явленіи общеизвѣстномъ и обычномъ для всѣхъ народовъ на извѣстной ступени культуры, остановиться подробнѣе на характерныхъ деталяхъ этого бытоваго явленія, напр., на вопросахъ, что считается наиболѣе опаснымъ относительно сглаза, въ чемъ состоитъ природа явленія, другими словами, какъ объясняется происхожденіе вреда отъ сглаза, въ чемъ проявляется сила сглаза, какіе существуютъ отъ него обереги, или предохранительныя мѣры. Только съ изученіемъ такихъ деталей раскроется вся полнота и разносторонность повѣрій о сглазѣ и опредѣлятся всѣ связанныя съ нимъ психологическія черты, какъ общечеловѣческія, такъ и мѣстныя народныя. Роль мѣстно-народныхъ элементовъ въ этомъ циклѣ повѣрій, несомнѣнно, весьма ограниченная и незначительная. То, что легко можетъ показаться національнымъ въ области повѣрій о сглазѣ, при широкомъ сравнительно этнографическомъ изученіи, получаетъ космополитическое значеніе, какъ будетъ далѣе видно изъ настоящей нашей статьи.

Мы не задаемся широкой цѣлью изученія повѣрій о сглазѣ во всей ихъ полнотѣ и во всемъ ихъ разнообразіи. Факты, подлежащіе изученію,

такъ обильны и, главное, такъ разбросаны, что собраніе въ группы и научное разъясненіе ихъ можетъ быть выполнено лишь постепенно усиліями многихъ дѣятелей на почвѣ сравнительной этнографіи и исторіи культуры. Въ статьѣ сдѣланъ подборъ личныхъ обереговъ, сравнительно наиболѣе простыхъ. Интересно прослѣдить по фольклорнымъ даннымъ, какъ мысль человѣка, не доросшаго до скептицизма и научнаго міровоззрѣнія, подавленнаго разными накопленными въ теченіе вѣковъ фантастическими страшилищами, ищетъ спасительнаго исхода въ оберегахъ, интересно тѣмъ болѣе что обереги всегда имѣли огромное значеніе въ жизни народа, такъ какъ на нихъ возлагались большія надежды; они успокаивали сердце, взволнованное чувствомъ страха, сдерживали настроенное на мистическій ладъ воображеніе и охраняли самое близкое и дорогое: у матери ея ребенка, у хозяина жилище и домашній скоть, у пасѣчника пчель...

Обереги весьма многочисленны и разнообразны, какъ обрывки разныхъ эпохъ и разныхъ древнихъ міровоззрѣній. Въ частности обереги отъ сглаза трудно отдѣлать отъ обереговъ отъ колдовства и болѣзней; затѣмъ, во многихъ случаяхъ обереги совпадаютъ съ талисманами. Въ общемъ всѣ обереги мож-раздѣлать на три разряда: 1) вещественные, или предметные, 2) символическіе и 3) словесные, или заговоры. Въ настоящей статьѣ мы остановимся лишь на первыхъ двухъ разрядахъ, оставляя заговоры въ сторонѣ. Для послѣдней заговорной стороны нами уже былъ ранѣе намѣченъ матеріалъ въ библиографическомъ указателѣ заговоровъ въ 4 и 5 томахъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Заговоры о сглазѣ отдѣлены и не введены въ настоящую статью, потому что специальное изученіе ихъ представляется болѣе удобнымъ и общааетъ сравнительно большіе выводы въ связи съ заговорами вообще. Тогда опредѣляются общія мѣста и основные ихъ элементы. Предметные и символическіе обереги изрѣдка стоятъ рядомъ съ заговорами, еще рѣже упоминаются въ самомъ текстѣ заговоровъ; въ громадномъ же большинствѣ случаевъ они занимаютъ совершенно самостоятельное мѣсто, примыкая не къ словесной литературѣ, а къ разнымъ древнѣйшимъ формамъ народнаго быта.

Какъ отдѣлать талисманы отъ обереговъ? Точное раздѣленіе провести трудно, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда талисманъ разсматривается не только, какъ предметъ, приносящій счастье, но и какъ охрана отъ несчастья. Мы къ талисманамъ относимъ такіе предметы, которые не могутъ быть въ широкой степени утилизируемы; такъ, талисманами въ народномъ быту служатъ печь, аистъ, ужъ, огонь, ласточка; значеніе ихъ ограничено предѣлами одного дома или одной семьи, и они не могутъ имѣть значеніе оберега для каждой особы. (О талисманахъ см. мою книгу „Культ. переживанія“ №№ 29—37, 191).

Сообщенія объ амулетахъ, талисманахъ, вообще оберегахъ разбросаны во многихъ сочиненіяхъ. До 200 сочиненій такого рода указано въ 8 № „Melusine“ 1895 г.; но мы не воспользовались этимъ указателемъ, такъ какъ указанныхъ въ немъ книгъ—вообще рѣдкихъ—совсѣмъ не оказалось въ мѣстныхъ бібліотекахъ. И собственно нами собранный матеріалъ оказался достаточно обильнымъ. Чтобы не растеряться въ большомъ разнообразіи отдѣльныхъ обереговъ, мы на предстоящихъ страницахъ сдѣлаемъ попытку сгруппировать ихъ въ предметномъ порядкѣ, причемъ на первомъ мѣстѣ ставимъ такіе предметы и дѣйствія, которые можно принять за древнѣйшія, по соответствію ихъ съ наиболѣе архаичными формами быта, и оставляемъ совсѣмъ въ сторонѣ современные религіозные предметные обереги, ладанки, записки съ молитвами и др. т. п.

1.

Слизыванье и оплеванье.

Исторія культуры раскрываетъ такую первобытную простоту и грубость, что нужно значительное усиліе мысли, чтобы представить ихъ когда-либо возможными. Особенно трудно поддаются опредѣленію и уясненію такія простѣйшія явленія народной психики, которыя граничатъ съ животнымъ міромъ. Къ такому сумержью между человѣкомъ и животными относится, повидимому, странный оберегъ отъ болѣзней, колдовства, преимущественно отъ сглаза, въ видѣ оплеванія и слизыванія. Высшія породы животныхъ, коровы и собаки, облизываютъ своихъ дѣтенышей, и, можно думать, что первобытныя женщины также облизывали новорожденныхъ дѣтей или слизывали лицо младенцевъ. Первоначальное значеніе оплеванія и слизыванія врачебное, или антидемоническое, что въ древнее время совпадало. Древняя мать находила слизываніе необходимымъ, въ виду существованія облизыванія дѣтенышей животными самками; она дѣлала это изъ животнаго инстинктивнаго чувства материнства. Облизываніе дѣтеныша замѣняетъ обмываніе; необходимость обмыванія, повидимому, сознается даже высшими породами животныхъ. Путемъ облизыванія устраняются вредные остатки послѣродовыхъ маточныхъ выдѣленій. Обиліе архаическихъ остатковъ облизыванія даетъ поводъ думать о всеобщемъ его распространеніи въ древности. Весьма характернымъ переживаніемъ представляется современный малорусскій обычай слизыванья, распространенный не только въ низшихъ, но и въ среднихъ классахъ народонаселенія, наравнѣ съ другими не менѣе древними обычаями—потягиваніемъ носа у новорожденныхъ для роста и подрѣзываніемъ подъ языкомъ плевры (уздечки) будто для развитія рѣчи,

обычаями, не имѣющими раціональнаго фізіологическаго основанія ¹⁾). Въ Малороссіи слизываютъ дѣтей обыкновенно послѣ купанья такимъ образомъ: мать или бабка проводитъ своимъ языкомъ вдоль лица ребенка отъ подбородка ко лбу и навкрестъ по глазамъ и затѣмъ вытираетъ лицо ребенка пазухой своей рубахи, почему то непременно пазухой—подробность мнѣ непонятная. При слизываніи иногда сплевываютъ и говорятъ молитву, чаще всего „Отче нашъ“. Любопытно, что весьма сходные обычаи отмѣчены у сербовъ, поляковъ стараго времени и у многихъ другихъ народовъ. Въ Сербіи, когда ребенокъ хвораетъ и, по мнѣнію родныхъ, изурочень, его лицо трутъ пазухой рубашки отца или матери (*Миллиевичъ*, въ *Гласникѣ* XXXVII 148). Обычай слизыванія дѣтей отъ сглаза распространенъ и въ Болгаріи (*Сборникъ* за народ. умовъ. VIII, 156). Въ средневѣковыхъ польскихъ проповѣдяхъ находится указаніе, что боль головы приписывалась урокамъ и лѣчили слизываніемъ лба больнаго (*Wisla* III, 702). Материнскій обычай слизыванія съ ребячь перенесенъ былъ на взрослыхъ при сглазѣ.

У кавказскихъ горскихъ евреевъ средствомъ лѣченія отъ сглаза служить, что сглазившій плюетъ или слизываетъ своею слюною лицо больнаго. Чтобы узнать, кто именно сглазилъ, дѣлаютъ изъ тѣста шарики и бросаютъ въ огонь, произнося при этомъ имена односельцевъ мужскаго и женскаго пола или тѣхъ, которыхъ видѣлъ больной въ послѣднее время. Если шарики горятъ, не трескаясь, то значитъ никто изъ названныхъ не сглазилъ. Если шарикъ выскочитъ съ трескомъ при произнесеніи имени кого либо, то сейчасъ посылаютъ къ этому лицу и просятъ прислать въ блюдецѣ своей слюны или же придти самому и слизать слюною лобъ больнаго, губы, щеки, подбородокъ и плечо. Шарикъ же, выскочившій изъ огня, превращаютъ въ порошокъ и даютъ больному съ водой (*Анисимовъ*, въ III вып. *Сборн. Матер. по Этногр. изд. при Дашков. муз.* 303).

Въ „*Traité des superstitions*“ Тьера 1697 г. находится любопытное указаніе, что издавна „ceux, qui crachent une ou trois fois dans leur sein afin de n'être point charmés“ (*Liebrecht, Des Gervasius Otia Imperialia* 221). Подобные обычаи отмѣчены этнографами въ Германіи (*Melusine*, 1893, 86).

Италянскій этнографъ Дорса говоритъ, что въ Калабрии женщина, входя въ комнату, гдѣ находится ребенокъ, говоритъ: „прочъ колдовство, прочъ сглазъ“ и плюетъ въ лицо ребенка три раза (*Trede Das Heidentum in der röm. Kirche*, II 236). Римскій сатирикъ Персій, современникъ Нерона, во второй своей сатирѣ сообщаетъ о такомъ же обычаѣ: бабушка беретъ ребенка изъ колыбели и въ огражденіе отъ колдов-

¹⁾ О безполезности послѣдняго обычая см. въ брошюрѣ доктора *Шерона* *Faut il couper le frein de la langue?* 1894 г.

ства или сглаза и среднимъ пальцемъ правой руки мажетъ своей слюной лобъ и губы ребенка (ib. 226). Въ 4 гл. 28 книги Естественной исторіи Плинія въ числѣ разныхъ врачебныхъ средствъ упоминается слюна, какъ средство отъ зараженія болѣзною, отъ укушенія змѣи и отъ чародѣйства хромоногаго человѣка. Лишай и проказу лѣчили слюной, взятой утромъ до употребленія пищи. Плиній даетъ, между прочимъ, такой совѣтъ: если кто посмотритъ на спящаго ребенка, мамка должна три раза сплунуть, хотя бы на ребенкѣ былъ амулетъ отъ сглаза. О сплевываніи, какъ средствѣ противъ сглаза, говорятъ еще Теоокритъ въ Идил. 6,39 и Тибуллъ 1,5 (ib. 235,236).

2.

Веревка отъ повѣшеннаго. Могильная земля.

Веревка отъ повѣшеннаго и затѣмъ вообще куски веревки ¹⁾ въ значеніи талисмана и амулетовъ встрѣчалась въ Азіи у монголовъ (*Потанинъ* IV 784), въ средневѣковой Европѣ (*Liebrecht, D. Gervasius Otia* 239) и др.

Человѣческія жертвы въ той или другой формѣ существовали въ древности повсюду, какъ, повидимому, повсюду существовало людоедство. Въ Африкѣ и въ Австраліи человѣческія жертвы приносятся еще въ настоящее время. У древнихъ мексиканцевъ при высокой культурѣ канибализмъ достигалъ ужасающихъ размѣровъ. Людей откармливали, закалывали, сердце приносили въ жертву богамъ, народу бросали тѣло, которое немедленно варили и съѣдали. Приношеніе человѣческихъ жертвъ при похоронахъ умершаго существовало у грековъ время Гомера, у древнихъ германцевъ и славянъ. Культъ удерживалъ человѣческія жертвоприношенія долѣе канибализма, и богамъ продолжали приносить въ жертву людей уже послѣ того, какъ человѣкъ почувствовалъ отвращеніе къ людоедству.

Среди различныхъ представленій, вызванныхъ канибализмомъ и человѣческими жертвоприношеніями, выдается то, что душа жертвы сливается съ душой божества. Въ силу такого представленія, человѣкъ, предназначенный для жертвы, еще до смерти получалъ иногда имя того божества, въ которое онъ долженъ былъ вселиться, въ одеждѣ божества участвовалъ въ торжественной процессіи и получалъ поклоненіе. Все, что было связано съ жертвой, въ особенности орудіе смерти, веревка, получало священное значеніе. Когда, при недостаткѣ плѣнниковъ, были убиваемы въ жертву богамъ свои преступники и воры, то понятія казни и жертвоприношенія до того сблизились, что народъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ

¹⁾ См. мою книгу „Культура. переживания“ § 114. Здѣсь собраны этнографическіе факты этого рода.

случаяхъ, отождествляя ихъ. Для казеннаго устраивали своего рода пиръ, сохраняли на память его вещи и самой веревкѣ, на которой вѣшали преступника, приписывали потомъ сверхъестественное значеніе (*Липертъ*, Ист. культ. 327).

Можетъ быть, по такому же мотиву возникло важное значеніе земли или грязи, какъ берега, и если это такъ, то первоначально въ дѣло шла лишь земля изъ-подъ покойника и затѣмъ уже всякая земля. Талисманы изъ земли, въ особенности могильной, отмѣчены у многихъ народовъ въ № 10 „*Melusine*“ 1893 г. стр. 232 и потому мы не останавливаемся на нихъ.

3.

Роги—cornicelli. Камни.

Въ Италіи издревле широкимъ распространеніемъ пользуется рогъ, чаще всего бычачій, въ значеніи берега. Въ Неаполѣ лучшимъ средствомъ противъ сглаза—страшной въ глазахъ суевѣрныхъ италіанцевъ *jettatura*—считается прикрѣпленіе къ дому двухъ бычачьихъ роговъ. Въ большемъ ходу *cornicelli*—маленькіе рожки изъ коралла, слоновой кости и т. п. Дѣти носятъ *cornicelli* на шеѣ; взрослыя женщины въ ушахъ (*Trede*, D. *Heidenthum in d. röm. Kirche* II 251). Даже пальцами изображаютъ рожки, чтобы избѣжать сглаза. На остріѣ рога долженъ сломиться и обезсилѣть злой глазъ. Въ силу того же психологическаго мотива вмѣсто рога употребляютъ иногда, какъ берегъ, иглу. Объ иглѣ, какъ амулетѣ, говоритъ еще Плиніи. Извѣстно, что остатки жертвенныхъ животныхъ имѣютъ оберегательное противодемоническое значеніе, и *cornicelli*, должно быть, имѣютъ такое же происхожденіе.

Вмѣсто роговъ берегами у многихъ народовъ служатъ простые камни. У лапландцевъ каменные стрѣлы служили берегомъ отъ сглаза, въ родѣ *cornicelli*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи и въ Финляндіи важнымъ берегомъ считаются белемниты („громовые камни“, „чертовы пальцы“). Въ Англии и во Франціи камни вѣшаютъ отъ сглаза надъ дверьми домовъ и хлѣбовъ, иногда на крышѣ дома. Цыгане прикрѣпляютъ камешки къ волосамъ дѣтей. Въ Китаѣ ставятъ камень у дверей дома, стоящаго на бойкомъ прохожемъ мѣстѣ. Въ Новой Гвинее кладутъ камни на поля для урожая (*Melusine*, 1893, 211).

Нѣсколько другую, болѣе культурную окраску имѣютъ береги изъ драгоценныхъ камней. Они примыкаютъ уже къ лигатурамъ, о чемъ ниже, и стоятъ въ связи съ древними ляпидаріями и азбуковниками. У персовъ отъ сглаза спасаетъ агатъ, у турокъ преимущественно квасцы и ониксъ,

у испанцевъ и грековъ гематитъ и т. д. Подробности см. въ *Melusine* 1893, стр. 212—214, 231.

4.

С о л ь.

Многіе народы живутъ безъ соли; одни изъ нихъ, напр., полинезійцы, макають мясо въ морскую воду, которую держатъ наготовѣ въ орѣховой скорлупѣ; другіе пользуются приправой изъ острыхъ травъ или золой ихъ. Но гдѣ почва представляетъ богатства соли, тамъ соль становится скоро необходимой приправой къ пищѣ, и племена стараются завладѣть такими мѣстами (*Линертъ*, Ист. культ. 138). Соль уже въ глубокой древности, какъ приправа къ кушаньямъ, рано вошла въ жертвоприношенія и въ зависимости отъ послѣдняго получила священное мистическое значеніе. Кусочки соли, лежавшіе на жертвенномъ животномъ, стали оберегами. Плиній говорить, что у римлянъ ни „одно жертвоприношеніе не обходилось безъ соли“. Овидій въ *Фастахъ* замѣчаетъ, что блестящіе кусочки чистой соли (*lucida mica puri salis*) употреблялись при жертвоприношеніи. Въ римской церкви соль, какъ талисманъ, употребляется при крещеніи ребенка, и нынѣ въ Италіи еще очень дорожатъ амулетами изъ кусковъ соли (*Trede II 253*) Соль въ значеніи амулета встрѣчается во всей западной Европѣ, въ Россіи, въ Египтѣ, въ Японіи. Солью обрызгиваютъ новорожденныхъ, молодыхъ, дойныхъ и тельныхъ коровъ; кусочки соли бросаютъ въ печь въ огонь отъ сглаза. Много обрядовъ этого рода указано въ „*Melusine*“ 1893 № 10 стр. 235—236. Въ Сенегамбіи вѣрованіе, что соль лучшій оберегъ, такъ велико, что для устраненія порчи считаютъ достаточнымъ сказать: „мы ѣдимъ соль“.

5.

Огонь, угольи и зола.

Какъ извѣстно, огонь въ древности пользовался большимъ уваженіемъ и имѣлъ религіозное значеніе. Широко было распространено повѣрье въ очистительное и лѣчебное значеніе огня. Въ Россіи, когда портится молоко у коровъ, его кипятятъ и тогда колдунъ начинаетъ чувствовать боль и является въ домъ, гдѣ кипятятъ, молоко, съ какой-либо просьбой. То же священное повѣрье записано въ Италіи, въ Венеціи, въ приложеніи къ людямъ: если бѣлье больнаго отъ сглаза положить въ котель, а котель поставить на огонь, то колдунъ явится въ домъ что-нибудь просить и, по удовлетвореніи его просьбы, сглазъ теряетъ свою силу (*Melusine*, 1893, стр. 108). Угольки, камешки, зола, какъ обереги, возникли въ тотъ пері-

одъ исторіи культуры, когда человѣкъ впервые ознакомился съ огнемъ и устроилъ себѣ очагъ. Такъ какъ устроительницей очага была женщина, то и лѣченіе, и гаданіе на угляхъ и золѣ первоначально въ эпоху материнства исходило отъ женщины, и до настоящаго времени лишь женщины сохраняютъ угольки и золу, какъ лѣчебное средство, или обереги отъ чародѣйства вообще и сглаза въ особенности. Въ старое время обрядовое употребленіе золы, сажи и угольевъ было гораздо болѣе обширное, чѣмъ нынѣ; въ золѣ пекли хлѣбы вообще и священные хлѣбы въ частности, жарили жертвенныхъ животныхъ; золу подбрасывали вверхъ, какъ жертву солнцу, причемъ первоначально, вѣроятно, лишь ту золу, въ которой изготвлялось жертвенное животное, а затѣмъ вообще, безъ связи съ животной жертвой. Потому въ народныхъ обрядныхъ играхъ иногда мажутъ лицо сажей, напр., въ западной Малороссіи на досвѣткахъ и въ Андреевъ день, въ Грузіи во время рождественскихъ каландъ, въ сѣверо-западной Монголіи при нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ. Потому и теперь еще весьма распространено повѣрье о цѣлебномъ значеніи золы и ее пьютъ съ водкой отъ разныхъ болѣзней.

Опредѣленіе сглаза по уголькамъ и лѣченіе его угольками встрѣчается въ Россіи чуть ли не повсемѣстно и затѣмъ бытуетъ у другихъ народовъ. Въ Казанской губерніи берутъ три камешка на мужескій, женскій и дѣвичій глазъ и бросаютъ поочередно въ чашку съ водой, приговаривая: „коли ты сглазиль, зашипи. Камешекъ своимъ шипѣніемъ указываетъ, кто сглазиль, мужчина, женщина или дѣвушка; затѣмъ эту воду даютъ пить больному и опрыскиваютъ его, читая молитву „Богородице Дѣво“ (*Аршиновъ*, въ Сборн. свѣд. о крест. насел. Россіи I 29). Весьма близкіе обряды и повѣрья лужицкія, словенскія, польскія, нѣмецкія и италіанскія отмѣчены въ „*Melusine*“, (1893, 62).

У сербовъ при сглазѣ опускаютъ въ воду горящіе уголья и приговариваютъ: „отъ чернаго глаза, отъ голубого, урокъ надъ порогомъ, урочица подъ порогомъ, урокъ ничего не видитъ, урочица ничего не слышитъ“ (*Миличевичъ*, въ Гласникъ XXXVII, 148).

Оставляя въ сторонѣ заговоръ, въ самомъ обрядномъ предварительномъ дѣйствіи и въ особенности въ бросаніи въ воду горячихъ камешковъ, нельзя не видѣть остатка первобытнаго способа жаренія и варки пищи, который съ теченіемъ времени получилъ священное таинственное значеніе, въ силу уваженія къ сѣдой древности, съ переходомъ человѣка на высшія ступени матеріальной культуры. Древняя печь, встрѣчающаяся и теперь у дикихъ народовъ Африки и Америки, состояла изъ земляной ямы и раскаленныхъ камней, о чемъ подробности см. въ „Исторіи культуры“ *Липерта* 53—59.

Грузины Кутаиса въ томъ мѣстѣ, гдѣ человекъ испугался или ушибся при паденіи, стараются разыскать уголекъ и, нашедши, растираютъ въ порошокъ и даютъ съ водой пострадавшему (*Машурко*, въ Сборн. матер. по опис. Кавк. XVIII, 318). Въ древнее время уголекъ, должно быть, брался съ очага или жертвенника. Тамъ же знахарки лѣчатъ дѣтей отъ сглаза такимъ образомъ: обламываютъ уголекъ и, потерши о него палецъ, трутъ затѣмъ этимъ пальцемъ ребенку лобъ, подбородокъ и щеки (ib. 312). Здѣсь къ оберегу угольку присоединена манипуляція отъ другого оберега—слизыванія.

У пермяковъ въ число обереговъ отъ сглаза входитъ печная сажа (*Вѣст. Европы* 1883 III, 262).

Въ связи съ первоначальнымъ культомъ огня мы ставимъ окуриваніе больныхъ отъ сглаза. Обряды окуриванія см. въ *Melusine* 1893, стр. 115.

6.

С ъ т ь.

Изъ народныхъ сказокъ о злыдняхъ ясно выступаетъ мысль, что злого демона можно посадить въ бутылку, завязать въ мѣшкѣ, забить въ дыркъ дерева клиномъ. Древній человекъ сѣтью ловилъ рыбу, и сѣтью онъ хотѣлъ уловить демона, потому грозилъ ему сѣтью, и держалъ ее при себѣ, какъ оберегъ. Въ грузинскомъ заговорѣ отъ сглаза прямо говорится: „мы опутаемъ злыхъ ангеловъ тьмы пеньковыми сѣтями“ (*Сборн. матер. по опис. Кавк. XVIII, 312*). Оттого у грузинъ въ огражденіе родильницы и ребенка отъ злого духа протягиваютъ вокругъ ея кровати до самаго потолка рыбачьи сѣти (ib. 306). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной Россіи сѣть налагаютъ на родильницу и на свадьбахъ на невѣсту, или невѣста скрывается отъ жениха за сѣтью—смѣшеніе оберега съ обычаемъ умыканія. Происхожденіе сѣти, какъ оберега, можетъ быть, относится къ временамъ свайныхъ построекъ, когда сѣть входила въ кругъ житейскаго и обрядового обихода.

7.

Обувь: лапти, Hexenpantöffelein и пр.

Въ „Вѣстникѣ Рус. Геогр. Общества“ 1853 г. VII, 40 въ небольшой замѣткѣ свящ. *Руженица* о народныхъ примѣтахъ въ Юхновскомъ уѣздѣ находится такое любопытное сообщеніе: „По многимъ домамъ моего прихода, едва ли не въ каждомъ, при входѣ въ домъ, глазъ невольнo встрѣтятся съ старыми лаптями... На вопросъ мой, для чего висятъ у нихъ ста-

рые лапти? отвѣчали: „Вишь ты, какъ взойдешь на дворъ, да види такіе лапти уже и подумаешь о нихъ... Стало быть... съ перваго раза глазъ и сломишь надъ лаптями, тогда уже не сглазишь во дворѣ ни скотины, ни въ избу пришедши сидящихъ за работою бабъ, ни ягнятъ, ни телятъ... У одного огородника вокругъ огорода на каждомъ почти колу виситъ по старому лаптю... „Всякій, какъ прійдетъ, объяснилъ огородникъ, сперва глядитъ на лапти да дивится имъ, а на капусту не глядитъ и не дивится: а тобъ давно ея не было: либо червь съѣла ее, либо какая мошка навалилась, и качаньевъ то не было“.

Этотъ курьезный обычай не представляетъ однако *unicum*. Вообще, можно думать, что въ фольклорѣ нѣтъ ничего исключительно своеобразнаго. Въ любопытной статьѣ проф. *Sartori* „Der Schuh im Volksglauben“ въ *Zeitschrift des Vereins zur Volkskunde* 1894 цѣлая глава отведена изложенію повѣрій о вліяніи обуви на здоровье людей и животныхъ (II 148—150). Здѣсь собрано много любопытныхъ повѣрій этого рода; но группировка ихъ нѣсколько искусственная.

Ближе всего къ русскимъ лаптямъ-оберегамъ подходитъ обычай бедуиновъ вѣшать на верблюдовъ отъ сглаза всякіе остатки старой обуви и одежды, находимые на пути. Сибирскіе гольды носятъ на шеѣ маленькіе бумажные башмаки. Въ Швабіи отъ колдовства и болѣзней носятъ маленькія деревянныя „Hexenpantöffelein“ (*Sartori*, 149).

Оберегательное значеніе юхновскаго лаптя въ древней Греціи имѣла иногда маска, которую въ отстраненіе сглаза прикрѣпляли къ наружнымъ дверямъ дома (*Trede*, I 251).

Всѣ эти обереги примыкаютъ, очевидно, къ оберегамъ изъ роговъ, иглъ, камней и т. п., но проникновеніе въ число обереговъ обуви и маски могло совершиться уже при нѣкоторомъ осложненіи первобытной цивилизаціи.

8.

Бубенчики и колокольчики.

Обычай навѣшивать колокольчики на экипажныя дуги, особенно любимый въ Россіи въ старое время, при развѣздахъ на почтовыхъ, валдайскіе колокольцы съ малиновымъ звономъ, нынѣ лишь отчасти сохраняемые станowymi приставами и земскими начальниками, выросли изъ простыхъ бубенчиковъ, и настоящее ихъ мѣсто не на дугѣ, а на лошадиной шеѣ. Бубенчики встрѣчаются нынѣ очень часто въ подвѣсѣ на уздечкахъ и, судя по археологическимъ курганнымъ раскопкамъ, были весьма распространены въ древнее время. Начало обычая восходитъ къ двумъ стадіямъ куль-

турнаго развитія—ко времени знакомства древняго человѣка съ металлами и, съ болѣе точнымъ опредѣленіемъ, если только можно въ такихъ архаичныхъ сторонахъ быта говорить о хронологической точности, къ тому времени, когда началось прирученіе лошади; такъ можно думать на томъ основаніи, что бубенцы изстари привязывались къ шеѣ одной лишь лошади, и даже въ настоящее время очень странное впечатлѣніе производитъ корова съ бубенчикомъ на шеѣ. Для коровъ и быковъ существовали другія стукалки—деревянныя, можетъ быть еще болѣе древнія, чѣмъ бубенцы, о чемъ см. мои „Культурныя переживанія“ (замѣтка о „колоталѣ“). Въ исторіи распространенія лошади прежде всего является установленнымъ фактомъ, что она первоначально была неизвѣстна древнимъ египтянамъ, арабамъ и евреямъ. Она не входила въ культурный кругъ темной земледѣльческой расы Африки, ни смуглыхъ номадовъ юго-западной Азіи. Родиной лошади считаютъ пространство между областью верблюда и осла съ одной стороны и поясомъ оленя съ другой. Средне-азиатскіе кочевники, приручившіе лошадь, вѣроятно, впервые стали прибѣгать къ бубенцамъ, какъ амулетамъ; такой амулетъ могъ распространиться повсемѣстно вмѣстѣ съ распространеніемъ лошади. Мѣстами это благородное животное очень высоко цѣнилось. Во время Соломона лошадьми обмѣнивались только пари, что, впрочемъ, часто встрѣчалось и въ болѣе поздне евреямъ въ странахъ съ развитымъ коневодствомъ. По ученію браминовъ, жертвенныя животныя шли по своему достоинству въ слѣдующемъ порядкѣ: лошадь, быкъ, коза, овца. Отсюда слѣдуетъ, что предки арійцевъ не только ѣли лошадиное мясо, но и очень высоко его цѣнили (*Дипертъ*, Ист. культ. 94). Въ силу всего этого вполне естественнымъ было стремленіе древняго человѣка, пользовавшагося лошадью, оградить это полезное животное отъ козней злыхъ духовъ и злыхъ людей съ „дурнымъ глазомъ“, подходящимъ оберегомъ, а лучшаго оберега, какъ бубенчики, и нельзя было придумать. Звукъ и свѣтъ искони считались лучшими предохранительными средствами отъ чародѣйства. У римлянъ бубенчиками оберегали животныхъ отъ колдовства, и этотъ обычай удержался до настоящаго времени въ южной Италіи: почти на всѣхъ рабочихъ лошадяхъ находятся амулеты, чаще всего бубенчики или колокольчики, иногда металлическіе роги, ручки или полумѣсяцъ у праваго уха животного. Колокольчики считаются, однако, лучшимъ оберегомъ лошадей отъ „mal'occhio“. (*Trede*, II 248).

9.

Подкова.

Подкова—домашній талисманъ; въ значеніи личнаго оберега встрѣчается рѣдко. Подкова, какъ талисманъ, встрѣчается преимущественно въ

домах мѣщанъ или въ торговыхъ лавкахъ: прибиваютъ на порогѣ, чтобы было много покупателей. Трудно сказать, заимствовано ли это повѣрье, или существуетъ на Руси издавна. Источникъ его кроется въ религіозномъ почитаніи коней кельтами, германцами, вендами. Для охраненія своихъ стадъ отъ моровой язвы венды втыкали головы лошадей и коровъ на заборахъ вокругъ конюшенъ и хлѣвовъ, а для отогнанія злыхъ духовъ клали въ ясли лошадиную голову. Въ Голландіи вѣшаютъ лошадиную голову въ свинныхъ хлѣвахъ; въ Мекленбургѣ кладутъ ее подъ подушку больнаго. Германцы для отвращенія грозы ставили на верху избы конскія головы съ разинутыми пастьми, обращенными въ ту сторону, откуда ожидали бѣды. Впослѣдствіи, у германцевъ и славянъ на избахъ стали строить коньки деревянные. Наряду съ употребленіемъ подковы для развитія богатства, въ Малороссіи встрѣчается нѣсколько другихъ сходныхъ обрядовъ. Въ Поднѣстровѣ втыкаютъ кобылью голову на коль плетня въ огородъ, чтобы „все родыло“. Украинскіе знахари относятся съ особеннымъ уваженіемъ къ той травѣ, которая прорастаетъ сквозь глазныя ямки конскаго черепа и стараются собирать ее для своихъ чаръ (*Аванасевъ*, I, 637). Въ пользу предположенія о заимствованіи русскими обычая прибавить на порогѣ подкову говоритъ то обстоятельство, что обычай этотъ распространенъ въ Германіи, причемъ подкова здѣсь оберегаетъ домъ отъ всякаго зла (*Lippert, Christenthum*, 461). Подкову въ Германіи и Швеціи прикрѣпляютъ къ порогу дверей, иногда кладутъ дѣтямъ подъ подушку отъ сглаза и вообще очарованія (*Liebrecht, Des Gervasius Otia Imperialia* 100). У персовъ отъ сглаза поятъ водой, въ которой положена подкова (*Melusine*, 1893).

10.

Цвѣтныя повязки.

Красныя перевязки служатъ симпатическимъ средствомъ отъ сглаза и болѣзней. Дѣлаютъ такія перевязки изъ нитокъ гаруса, полосокъ ситца, ленточекъ, и надѣваютъ ихъ на шею и на руки. Подобнаго рода обычай встрѣчается во многихъ странахъ. Въ современной Греціи цвѣтныя повязки служатъ оберегами отъ сглаза (*Zeitschrift d. Vereins für Volkskunde* 1892, II, 139). Въ Шотландіи женщины въ предотвращеніе чаръ обматываютъ свои пальцы краснымъ шолкомъ и весною, передъ выгономъ скота въ поле, обвязываютъ у коровъ хвосты красными нитками. Въ Германіи обвязываютъ скоту рога и шею красными лентами, чтобы предохранить его отъ всякихъ болѣзней и невзгодъ. Въ Малороссіи красными лентами перевязываютъ животныхъ, растенія, даже огородныя овощи (*Мак-*

симвичъ Собр. соч. т. II, 499). Въ Индіи невѣстѣ привязывали, на шею, въ качествѣ свадебнаго снурка, нитку изъ красной шерсти. Въ Китаѣ привязываютъ дѣтямъ къ кисти руки что нибудь красное и приучаютъ ихъ смотрѣть на красный цвѣтъ, какъ на лучшее предохранительное средство противъ злыхъ духовъ (*Шериль* въ „Фил. Зап. 1884 III 63).

Замѣтимъ мимоходомъ, что во многихъ малорусскихъ названіяхъ растеній обнаруживается возрѣніе на яркіе цвѣта, какъ горящіе, красные, солнечнаго или огненнаго свойства, на примѣръ: горицвѣтъ, гориця, соняшникъ. Объ отцѣтшей гречкѣ говорятъ, что она „погасла“.

Общее благотворное символическое значеніе краснаго цвѣта переносится на тѣ растенія, которыя имѣютъ ярко красный цвѣтъ или плодъ, въ особенности на рябину и калину. Рябина служитъ средствомъ противъ колдовства.

Причина особенной любви народовъ къ красному цвѣту, должно быть, скрывается въ какихъ-либо недостаточно выясненныхъ психофизиологическихъ особенностяхъ древнихъ расъ, переходившихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе сначала по крови наслѣдственно, а потомъ традиціонно, по привычкѣ и устойчивой обрядности.

11.

Дѣтская сорочка.

Дѣтской сорочкой называется перепонка, которая иногда бываетъ на головѣ новорожденнаго. Послѣ рожденія ребенка ее немедленно снимаютъ съ головы и берегутъ въ домѣ. По повѣрью многихъ народовъ, родившійся въ сорочкѣ будетъ счастливъ, и самую сорочку берегутъ, какъ личный талисманъ, причемъ понятіе о счастливомъ ея значеніи расширяется въ томъ смыслѣ, что счастливъ всякій, имѣющій сорочку, по рожденію въ ней, или по пріобрѣтенію ее покупкой. У древнихъ римлянъ адвокаты покупали сорочку, приписывая ей таинственную способность давать успѣхъ въ дѣлахъ. Такое же возрѣніе на сорочку въ примѣненіи къ адвокатурѣ существовало въ Англіи и Даніи. Въ началѣ прошлаго столѣтія въ англійскихъ газетахъ встрѣчались еще объявленія о продажѣ дѣтскихъ сорочекъ. Во Франціи считаютъ счастливыми дѣтей, родившихся въ сорочкѣ, что объясняетъ французское выраженіе „être né coiffé“ (*Плюсь*, въ Знаніи 1877, III, 33). Вѣрованіе въ счастливое значеніе дѣтской сорочки распространено повсемѣстно въ Россіи. Лѣтъ пятьдесятъ назадъ въ дворянскихъ семьяхъ при начинаніи труднаго дѣла занимали у сосѣдей сорочку, если не имѣли собственной (*Авдеевъ*, Зап. о рус. бытѣ, 138). Въ Харьковской губерніи сорочку называютъ чепцомъ и думаютъ, что родившійся въ чепцѣ со време-

немъ будетъ архіереемъ. Чепецъ или сорочку тщательно сохраняютъ, при чемъ иногда зашиваютъ ее въ наиболѣе ноское платье дитяти, имѣвшаго счастье въ сорочкѣ родиться. То же повѣрье встрѣчается у евреевъ западнаго края (*Чубинскій*, VII, I, 43). Объясненіе повѣрій въ счастливое значеніе дѣтской сорочки давно уже представлено проф. А. А. *Потебней* въ статьѣ о Долѣ, напечатанной въ Древностяхъ моск. археолог. общ. 1865 (II. 20): „По взгляду германской мѣологии, говоритъ здѣсь Потебня, души до своего рожденія находятся у богини Гольды за облакомъ. Каждый разъ, когда душа сходитъ на землю, чтобы принять на себя человѣческій образъ, за нею слѣдуетъ одна, двѣ, три другія души, какъ ея хранители. Въ скандинавской мѣологии, гдѣ это вѣрованіе особенно развито, такой духъ называется фильгія (*fylgia*, weil er dem Menschen folgt) или гамингія (*hamingia*—*felicitas*—счастье). Мѣстопробываніе ихъ есть сорочка, которою иногда бываетъ обвита голова новорожденнаго (*glückshaube*), съ чѣмъ, очевидно, связано русское повѣрье, что родиться въ сорочкѣ—счастье“. Точно такое же объясненіе народныхъ вѣрованій въ дѣтскую сорочку, какъ талисманъ, высказано недавно (1887 г.) *Швебелемъ* въ сочиненіи „*Tod und ewiges Leben im deutsch. Volksglauben*“.

12.

Волчьи (свинные и др.) зубы и летучія мыши.

Въ Россіи волчій зубъ вѣшаютъ дѣтямъ на шею для зуборащенія. Въ Пруссіи съ той же цѣлью употребляютъ лисій зубъ (*Krause*, 84). Во Франціи дѣтямъ во время зуборащенія навязываютъ на шею ожерелье изъ волчьихъ зубовъ или дѣлаютъ башмаки изъ волчьей кожи, на что есть указаніе въ постановленіяхъ Монтекасинскаго собора 1626 г. Въ голубятняхъ вѣшаютъ голову или хвостъ волчій, чтобы не ходила ласочка (*fovines*) (*Rolland*, *Faune popul.*, I, 130). Въ Бельгіи въ окрестностяхъ Льежа во время желудочныхъ болей кладутъ на животъ кожу съ груди волчонка, а экскременты волка считаются лучшимъ средствомъ отъ коликъ (*Comhaire*, въ *Revue d. trad. popul.*, 1889, 363). Съ этими обычаями можно сравнить монгольскій обычай клясться зубомъ медвѣдя (*Потанинъ*, IV, 756).

Въ видѣ оберега отъ глаза волчій зубъ встрѣчается у современныхъ грековъ (*Zeitschrift Vereins...* 1894 II 139). Въ Италіи съ такой цѣлью употребляютъ куски волчьей кожи или свинные зубы (*Trede* II 253). У Плинія находится любопытное указаніе, что на дверяхъ прикрѣпляли черепъ волка; на этомъ черепѣ, какъ на юхновскомъ лаптѣ, долженъ былъ сломиться злой глазъ. Далѣе Плиній сообщаетъ, что вокругъ дома три раза обносили летучую мышъ и прибивали гвоздемъ надъ окномъ, какъ оберегъ. И

нынѣ въ южной Италіи къ домамъ прикрѣпляютъ летучихъ мышей, совъ, черепа кабановъ, а въ Сициліи кладутъ ихъ по полямъ (*Trede* II 250). Во многихъ мѣстахъ западной Европы значеніе обереговъ имѣютъ косточки жабы (*Melusine* 1893, 86).

13.

Деревья. Травы. Вѣвникъ.

Насколько деревья, по своей величинѣ, неудобны въ смыслѣ личнаго оберега, настолько удобны травы, и травы, дѣйствительно, играютъ у народовъ большую роль въ значеніи обереговъ. Онѣ входятъ во многія изъ упоминаемыхъ нами далѣ лигатуръ, наузъ и филактерій. Нѣкоторые породы деревьевъ имѣютъ значеніе полевыхъ, садовыхъ и домашнихъ обереговъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Швеціи домашними талисманами служили растущіе вблизи ясеня или вяза; въ Италіи въ садахъ съ этой цѣлью садятъ лавръ (*Trede* II 250). Въ Германіи и въ Сербіи важнымъ личнымъ оберегомъ отъ колдовства и сглаза считается зашитый въ платъ кусокъ отъ пораженнаго молніей дерева (*Melusine* 1893, 237. *Гласникъ* XXXVII, 147). Въ настоящемъ случаѣ мысль покорена не деревомъ, а силой молніи, и оберегомъ въ сущности оказывается послѣдняя.

Въ X вѣснѣ „Одиссеи“ находится уже указаніе на оберегъ траву—*моми*, корень котораго черный, а цвѣтъ бѣлизной подобенъ молоку. Въ западныхъ средневѣковыхъ пенитенціалахъ встрѣчается много общихъ указаній на травы обереги: „Si quis ligaturas fecerit per herbas“; „dum dicunt diabolica carmina super herbas“ и др. Во Франціи отъ колдовства и сглаза носили въ XVII в. на шеѣ корешки нѣкоторыхъ растений, выкопанные 24 іюня до восхода солнца, и опоясывались въ этотъ день травами (*Liebrecht*, *Des Gervasius Otia*, 231, 244). Подобное обыкновение и нынѣ существуетъ въ Италіи (*Trede* II 254). Въ разныхъ странахъ, въ разныхъ мѣстностяхъ преобладаютъ различные растительные обереги. Арабы, египтяне и въ особенности абиссинцы и сициліанцы пользуются алое, какъ оберегомъ отъ сглаза. Въ Калабріи въ Реджіо отъ колдовства и сглаза служитъ особый родъ кактуса, помѣщаемый вблизи входныхъ дверей или на балконѣ. Растеніе это называется тамъ не иначе, какъ „albero del malocchio“. Въ Индіи отъ сглаза носятъ въ тюрбанѣ лимонъ; дѣтямъ на шею надѣваютъ ожерелья изъ блестящихъ зеренъ одного растенія, причѣмъ потемнѣніе ихъ считаютъ признакомъ сглаза. У персовъ отъ сглаза носятъ гвоздичныя ожерелья, а у грековъ окуриваютъ зернами гвоздики. Въ *Melusine* 1893 г. №№ 10—12 талисманы изъ травъ изложены обстоятельно въ алфавитномъ порядкѣ, и потому мы здѣсь не будемъ подробно останавливаться на нихъ.

Не можемъ не выдѣлать 2—3 травъ, пользующихся особенной популярностью въ Россіи, вообще среди славянъ, именно:

1) *Чеснокъ*—въ Великороссіи и въ Малороссіи носятъ отъ сглаза на шеѣ или въ карманѣ, въ Галиціи и въ Угорщинѣ вpletаютъ въ вѣнокъ невѣсты, наканунѣ дня св. Георгія (23 апрѣля) натираютъ имъ двери и порогъ (*Записки* Георг. Общ. по отд. этн. 1869 II 100). У древнихъ грековъ чеснокъ оберегалъ животныхъ; у римлянъ его клали въ дѣтскую колыбель; въ средніе вѣка во всей Европѣ держали надъ дверями. И нынѣ, какъ оберегъ, чеснокъ въ большомъ ходу въ Пруссіи, во всей Германіи, въ Трансильваніи, въ Португаліи, въ Италіи, въ Греціи и Болгаріи (*Melusine* 1893, стр. 141, *Zeitschrift d. Vereins z. Volksk.* 1894 II 139, *Сборникъ* за народ. умотв. I 80, *Trede* II 246).

2) *Полынь*—держатъ иногда въ карманѣ или подъ подушкой въ значеніи оберега въ Россіи, въ Германіи, жгутъ въ хлѣвахъ въ ночь подъ Рождество во Франціи. Въ Пьемонтѣ вырываютъ полынь для оберега лѣвой рукой. Какъ оберегъ по преимуществу здѣсь полынь называется *vin teje*, т. е. *bonum mihi* (*Melusine*, 1893, 238).

3) *Чернобыльникъ*—галицко-русскія дѣвушки подпоясываются чернобыльникомъ отъ сглаза и порчи (*Kolberg*, *Рокисіе*, I 202). Въ Нормандіи чернобыльникъ, собранный 24 июня, охраняетъ коровъ. Въ Германіи въ средніе вѣка и нынѣ чернобыльникъ носятъ на шеѣ, закапываютъ подъ порогъ, опоясываются. Въ Китаѣ кладутъ въ колыбель. Сходныя повѣрья бытуютъ въ Чехіи и въ Тиролѣ (*Melusine* 1893, стр. 242),

4) *Чертополохъ*, какъ показываетъ самое названіе, идетъ въ обереги. Въ Малороссіи держатъ его въ домахъ отъ злыхъ духовъ и вѣдьмъ (*Nowoselski* II 145). У южныхъ славянъ чертополохъ срываютъ на зарѣ, кладутъ его на окнахъ, заборахъ, навѣшиваютъ на коровъ (*Melusine*, 1893, 247).

Можетъ быть въ зависимости отъ важнаго значенія травъ, какъ обереговъ, стоитъ *вѣнникъ*—оберегъ. Объ обрядовомъ употребленіи вѣника на свадьбахъ см. мѣе соч. „О свадебныхъ обрядахъ“ стр. 194. Кромѣ свадьбы, вѣнникъ въ Германіи кладутъ подъ колыбель и на дорогѣ; въ Австріи переводятъ коровъ черезъ вѣнникъ, бьютъ имъ животныхъ при первомъ выгонѣ ихъ въ поле. Въ Шотландіи, выводя скотъ на ярмарокъ, гонятъ его вѣникомъ отъ сглаза. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ вѣтвямъ деревьевъ для отвращенія сглаза прикрѣпляютъ вѣники (*Melusine* 1893, стр. 245).

14.

Филактерія, лигатуры, или наузы.

Въ разрядъ филактерій, или, по терминологіи древнихъ церковныхъ памятниковъ, равнозначущихъ съ нимъ *characteres, servatoria, amuleta, bre-*

via, inscriptiones, scripturae, preces, входятъ астрологическіе знаки и вообще таинственные рисунки. Къ нимъ близко подходят „*ligaturae*“, или наузы (польск. *navezu*, чешск. *navazu*), металлическія ожерелья, кольца, серьги, мѣшочки съ разными предметами, ладанки, записки съ заговорами и т. п. Я говорилъ уже о наузахъ въ „Культурн. переживаніяхъ“ § 117; много цѣнныхъ фактовъ привелъ затѣмъ г. *Зибртъ* на 44—52 стр. „*Seznam pover*“ 1894 г. Здѣсь въ примѣч. на стр. 45—46 указана литература предмета. Къ даннымъ здѣсь указаніямъ мы могли бы кое-что добавить по нашему указателю заговоровъ, и, кромѣ того, присоединить любопытныя указанія на металлическіе наузы (кольца, иглы, золотыя украшенія и пр.) въ „*Melusine*“ 1895 № 8 и 9 и на двѣ цѣнныхъ статьи проф. *М. И. Соколова* о змѣвикахъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1889 г. т. 243 и въ 1 вып. Трудовъ славянск. комиссіи 1895 г.

Филактеріи и наузы—тоже древность, но большею частью уже культурная. Здѣсь сохранились элементы мудрости халдейской, египетской и еврейской. Затѣмъ кое-что сюда внесла средневѣковая мистика, астрологія, каббала, лапидарія, въ средневѣковой ихъ обработкѣ. Оттого на западѣ сохранилось гораздо болѣе заклинательныхъ формулъ и астрологическихъ рисунковъ, чѣмъ въ Россіи, которая довольствовалась болѣе простыми, такъ сказать, общенародными оберегами архаическаго бытоваго характера. И въ настоящее время у западныхъ народовъ бытуетъ много формулъ, въ родѣ филактерій, и въ сборникахъ западно-европейскихъ заговоровъ они часто встрѣчаются; у насъ же попадаются изрѣдка и то большей частью среди низшаго духовенства и въ латинской формѣ (какъ образчикъ, см. латинскую формулу въ „Этногр. матеріалахъ“ г. *Гринченка* въ Черниговск. Земск. Сборникѣ 1895 г. т. I стр. 175).

Изъ славянскихъ лигатуръ отмѣтимъ здѣсь лишь любопытный амулетъ съ глаголической надписью, недавно отмѣченный въ „Архивѣ“ *П. В. Яича* (1894 г.). Въ статьѣ проф. *М. И. Соколова* о змѣвикахъ въ 1 т. „Трудовъ славянской ком.“ 1895 стр. 183 указанъ (по соч. Шлюмбергера) любопытный византійскій амулетъ отъ сглаза съ изображеніемъ глаза, съ тремя ножами сверху. Проф. Соколовъ при этомъ указываетъ на то мѣсто въ Testamentum Salomonis, гдѣ говорится, что виновника сглаза демона Фенюфа можно обезсилить изображеніемъ глаза, испытывающаго страданія.

15.

Сложные обереги.

Въ одномъ грузинскомъ заговорѣ изъ г. Кутаиса: „Злыхъ ангеловъ тмы мы опутаемъ пеньковыми сѣтями и закуемъ въ желѣзные кандалы.

Зловредный духъ! выходишь ли ты изъ дерева, или воды, или воздуха, приносишься ли вѣтромъ, являешься ли отъ солнца, или луны, или звѣздъ, отойди прочь, такъ какъ ты все таки злой духъ! Меня ограждаетъ крестъ. Со мной Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святой. Во имя Пресвятой Троицы мы запечатаемъ злыхъ духовъ и свяжемъ ихъ словами Матеея, Марка, Луки и Иоанна. Ты, Боже, сохрани и огради Твоимъ милостивымъ крестомъ двери и крышу дома (*Машурко*, въ Сборн. матер. по опис. Кавк. XVIII 312). Этотъ заговоръ можетъ служить хорошимъ образцомъ накопленія и смѣшенія разнородныхъ обереговъ. Тутъ и сѣтъ—оберегъ изъ отдаленной древности и въ добавокъ къ сѣти новые тюремные узы—кандалы, и затѣмъ „святыя“ слова, и крестъ. Любопытнымъ образцомъ сложнаго амулета представляется ласточкино сердце, привязанное къ шейному кресту (*Дванасьева*, Поэт. возр. I 455).

16.

Символическіе знаки.

(Пальцы, глаза, фаллосъ, ключъ).

Оберегами отъ сглаза иногда служатъ символическіе знаки, находящіяся въ прямой зависимости отъ вещественныхъ обереговъ. Опасность сглаза постоянно грозитъ человѣку, а наиболѣе принятый въ извѣстный моментъ оберегъ можетъ не оказаться подъ руками, и потому въ ходъ пускается его внѣшнее изображеніе или символическій намекъ на него. У итальянцевъ бычачій рогъ считается лучшимъ оберегомъ; но носить его съ собою неудобно, и потому носятъ маленькіе рожки изъ коралловъ, слоновой кости и болѣе простаго матеріала—*cornicelli*, а когда никакого оберега въ нужный моментъ подъ руками не оказывается, то въ южной Италіи при опасеніи сглаза прибѣгаютъ къ символическимъ знакамъ—*fa il corni*, т. е. протягиваютъ впередъ большой палецъ и мизинецъ, или указательный палецъ и мизинецъ, подгиная остальные пальцы. Въ Греціи женщины въ такомъ случаѣ протягиваютъ всѣ пять пальцевъ правой руки и произносятъ соотвѣтствующій заговоръ (*Trede II 252*). Греческая манипуляція настолько отдѣлилась отъ первоначальнаго вещественнаго оригинала, что безъ посредствующаго италіанскаго комментарія остается непонятною.

У тюрковъ и мавровъ сѣверо-африканскаго побережья распростертая рука даже въ изображеніи своемъ считается защитой отъ дурнаго глаза. Любопытно, что этотъ обычай перешелъ даже въ словесную форму предохранительнаго отъ сглаза заговора, именно говорятъ: „пусть пять (рука) падутъ на ваши глаза!“ (*Пешель*, Народовѣдніе, 109).

Фаллическій элементъ обнаруживается въ оберегахъ лишь на классической почвѣ. По словамъ Плинія, въ садахъ роль талисмана играли изо-

браженія Приапа (*Trede*, II 249). Изображеніе фаллоса, какъ оберега отъ сглаза, встрѣчается и у современныхъ грековъ (*Zeitschrift d. Vereins für Volkskunde* 1894 II 139)—любопытный обрывокъ классической старины. Можетъ быть, въ связи съ древними фаллическими культами стоитъ французскій оберегъ XVII вѣка отъ сглаза съ видѣ обливанія по утрамъ рукъ своей мочой (*Liebrecht, Des Gervasius Otia Imperialia* 100). Повидимому, фаллическое значеніе имѣетъ современный итальянскій оберегъ отъ сглаза въ видѣ ключика (*Trede* II 253).

Особенно характерны тѣ случаи, когда злomu глазу противопоставляется изображеніе глазъ. На древнихъ греческихъ росписныхъ вазахъ два глаза, нарисованные надъ щитами героевъ, должны были отвращать дурной глазъ отъ пьющихъ изъ чаши. Такіе глаза часто украшаютъ верхнюю часть шеи родосскихъ сосудовъ (*Павлукии, Греческ. росписныя вазы*, 71). Тутъ кстати будетъ вспомнить обычную характеристику сабли въ сербскомъ эпосѣ „сабля са очима“. Византійскій амулетъ съ страдающимъ глазомъ относится къ этой категоріи обереговъ.

Кромѣ разобранныхъ и сгруппированныхъ обереговъ существуетъ множество частныхъ, такъ или иначе примыкающихъ къ выше приведеннымъ по психологическому мотиву. Такъ, въ Италіи отъ сглаза носятъ на шеѣ въ ладанкѣ клешни рака, мѣдное изображеніе полумѣсяца (остатокъ культа Изиды), стрѣлки, въ Греціи кольцо, въ Россіи, во Франціи жабы косточки и камешки. У негровъ, вообще очень расположенныхъ къ амулетамъ, оберегами бываютъ львиный волосъ, палочки (*Reville, Les religions* I 70, 152, 178, 186, 189; *Trede* II 253; *Rolland, Faune populaire* III, 51, 52, 53). Амулеты этого рода отличаются подвижностью и служатъ разнымъ цѣлямъ, но большей частью имѣютъ значеніе оберега отъ колдовства и сглаза.

17.

Передача сглаза.

Въ Россіи и въ Западной Европѣ боятся брать предметы, лежащіе на перекресткахъ, считая ихъ заколдованными. Съ ними можетъ перейти болѣзнь. Болѣзнь въ древности переносили заговоромъ на палку, камень, тряпку, и клали заговоренный предметъ на дорогѣ. Иногда эта форма оберега принимала характеръ жертвоприношенія и навожденія болѣзни. Такъ, въ Индіи старуха наливаетъ въ чашу молока, кладетъ въ нее пищу, и, обведши чашей 7 разъ вокругъ головы больного, выливаетъ на перекресткѣ 4 дорогъ, или въ такомъ случаѣ кладутъ на распутьѣ монету, кусокъ одежды (*Melusine* 1893, 58).

Интересны практикуемые у разныхъ народовъ приемы передачи сглаза животнымъ и растеніямъ. Въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ Германіи, въ Индіи, кладутъ больного отъ сглаза и переводятъ черезъ него собаку, или кладутъ подъ голову больного хлѣбъ и потомъ даютъ его собакѣ (*Melusine* 1893, 84). Къ этимъ обычаямъ примыкаетъ старый русскій обычай переводить черезъ больного ручного медвѣдя. Къ этому же циклу повѣрій и обрядовъ нужно отнести странный способъ лѣченія больныхъ дѣтей черезъ протягиваніе ихъ черезъ дупло дерева, о чемъ въ фольклорѣ есть специальная монографія извѣстнаго французскаго ученаго Гедоза. („*La vieue ritte medicale*“, 1893, 84 стр.).

Важное значеніе въ чародѣйствѣ текучей воды, по моему мнѣнію, если не всегда, то во многихъ случаяхъ, обусловлено мыслью о томъ, что вода уноситъ сглазъ съ брошенными въ нее предметами.

Глубокая древность, первобытно дикая съ одной стороны и культурная съ другой, завѣщала такую громадную массу разныхъ обереговъ, соблазняющихъ до, нынѣ простаго человѣка своей доступностью, что понадобится много образовательныхъ усилій, чтобы расчистить народное міросозерцаніе отъ многовѣковой ветоши и проложить путь для здоровой рациональной жизни подъ покровомъ все болѣе усиливающейся науки.
